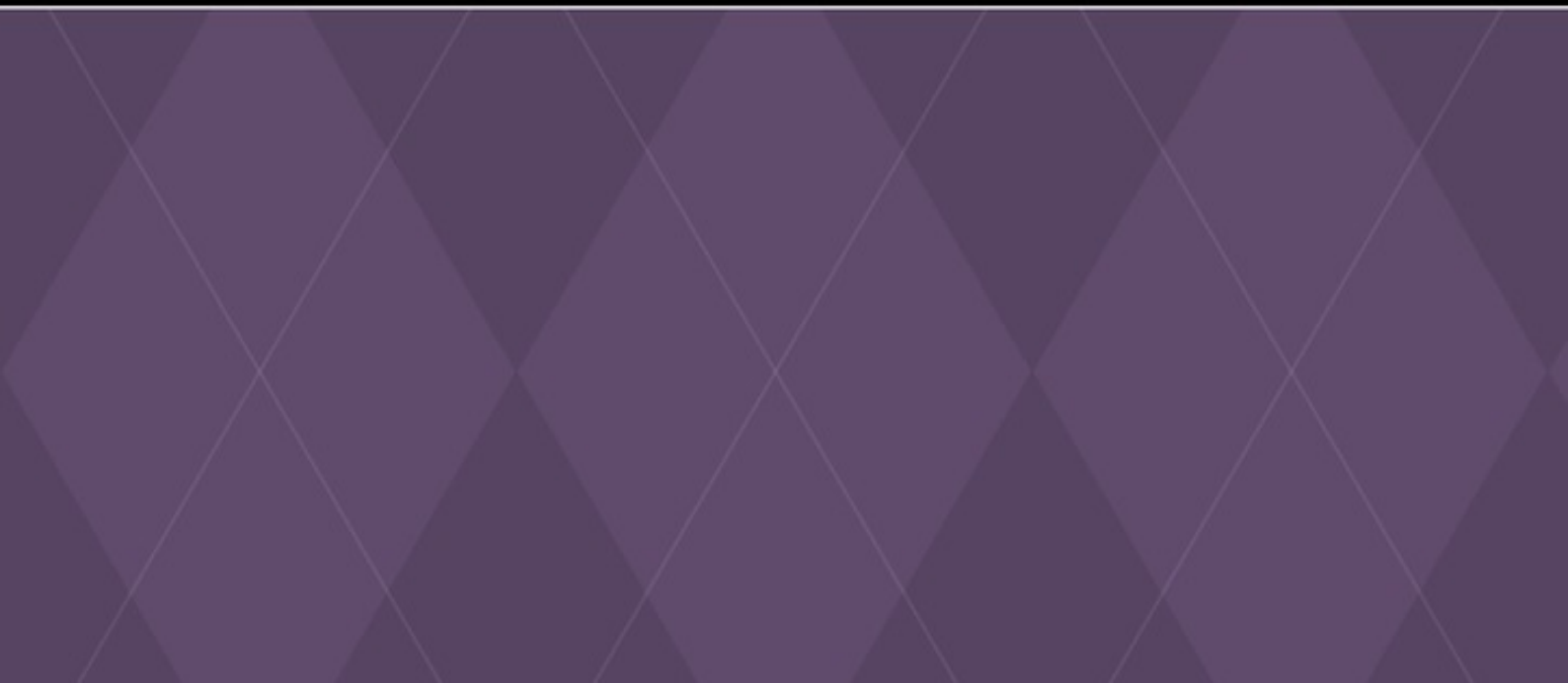

Дарий

Проклятие Нефритового города

Молчание монастырского колокола —
плохой знак...

Дарий

Проклятие Нефритового города

«Издательские решения»

Дарий

Проклятие Нефритового города / Дарий — «Издательские решения»,

Зловещие и загадочные убийства в Нефритовом городе, красе и гордости Пяти королевств, заставили жителей дрожать от страха. Поговаривали, что проснулось Древнее Зло. Правитель Джинг Гуо пригласил помочь разобраться в происходящем известного воителя Фэнг Лея и его верного друга Кианга. Но никто не предполагал, какие тайны скрывают темные подземелья легендарного города...

© Дарий

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Лес откровений	6
Глава 2. Таверна Одинокого Путника	7
Глава 3. Омовение Кианга	9
Глава 4. Мейлин	11
Глава 5. Тень прошлого	13
Глава 6. Мост Тэнгу	15
Глава 7. Ксинг	17
Глава 8. Цветочный павильон Вейшенга	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Проклятие Нефритового города
Молчание монастырского
колокола – плохой знак...
Дарий

© Дарий, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Лес откровений

Лучи закатного солнца едва пробивались сквозь густую листву деревьев, отбрасывающих загадочные тени на мраморные скамьи и выложенные плиткой дорожки не так давно излюбленного места прогулок и тайных свиданий жителей Нефритового города. Припозднившиеся прохожие, торопливо семенящие по выщербленным временем каменным плитам, с опаской поглядывали на одинокого мужчину в покрытой пылью одежде, который припал к бутылки с вином и, не обращая внимания на настороженные взгляды, поглощал с явным удовольствием ее содержимое. Убедившись, что бутылка пуста, он с неудовольствием отбросил ее в сторону и, спасаясь от внезапно налетевшего ветерка, плотнее запахнул одежду. Внимательный взгляд мог заметить мелькнувший на секунду меч в ножнах с рукоятью в форме человеческой кисти, висевший в том месте, где положено быть левой руке. По стремительности движений воина было видно, что он давно свыкся с отсутствием конечности и, компенсируя потерю, выработал другие, неизвестные и страшные для противника навыки. Физическое увечье не стало для него фатальным, но каждый раз, бросая взгляд на культю, перед его глазами вставала одна и та же, мучительная картина...

Лязг стали о сталь уже несколько страшных минут полосовал утреннюю тишину. Две фигуры, вращая мечами с огромной скоростью, блокируя и делая обманные движения с последующими контратаками, двигались в водовороте боя со сверхъестественной скоростью и точностью. После очередного обмена ударами, противники отпрянули друг от друга и застыли, переводя дух, с поднятыми мечами, готовые в любую секунду ответить на возможный выпад. Со стороны казалось, будто воины внезапно окаменели, а мир затаил дыхание вместе с ними, ожидая развязки. Выпад. На мгновение показалось, что клинки и воины сплелись, подобно змеям, в черно-белый клубок, вращающийся с огромной скоростью. Лязг стал напоминать непрерывный скрежет, будто противники, превозмогая мощь друг друга, стремились вдавить свои мечи в тело врага, испытывая небывалое сопротивление. Затем раздался крик с последовавшим глухим стоном. Воин в белом не оглядываясь на скрипящего зубами от дикой боли искалеченного соперника, пошел к дереву, у которого был привязан его конь. Отъезжая от места кровавой драмы, он не слышал, как тот произнес, прежде чем провалиться в спасительное забытие: «Меч станет моей второй рукой...»

Вырванный из плена воспоминаний каплями падающего дождя, мужчина встал со скамьи, осмотрелся и пошел вглубь леса, стремясь как можно скорее попасть в старую хижину, в которой он мог скрыться от непогоды и согреть у очага начинавшую ныть культю. Это ветхое строение являлось его домом вот уже шесть лет, которые он провел в изнурительных тренировках и мучительных снах, в которых раз за разом он видел, как то, что было его рукой, лежит в траве, орошая ее кровью. Лучше бы его убили, чем ввергать в эту муку физической боли и ада в душе, когда живешь гневом, дышишь ненавистью и жаждешь мести. Но боль ушла, гнев умер, ненависть он задушил, иступленно упражняясь с мечом день за днем... Он сам стал мечом. Он победил себя, свое увечье, свой страх, но жажду мести можно утолить, лишь напившись вдоволь. И он ее утолит сполна...

Глава 2. Таверна Одинокого Путника

Шляпы из пальмовых листьев, глубоко надвинутые на глаза двух усталых путников, едва ли спасали от дождя, который лил, не переставая, от самого побережья. Едва волоча ноги и прилагая усилия, чтобы выдернуть их из разочарованно чавкающей грязи, Фэнг Лей и Кианг с упорством волов двигались к едва различимому сквозь пелену дождя далекому огоньку. Как два корабля, застигнутые штормом, они двигались к вожденной цели, обещавшей им сытный ужин, сухую постель и крепкий сон. А дождь, то затихая, то вновь усиливаясь, хлестал их нещадно, будто испытывая на прочность в конце пути.

Последние метры до крыльца Таверны Одинокого Путника дались Фэнг Лею и его другу с огромным трудом. Позвонив в небольшой колокольчик рядом с дверью, они принялись приводить себя в порядок, счищая комья грязи с одежды и сапог. Через несколько минут раздался осторожный скрип отодвигаемого запора и на пороге возник взъерошенный старик, который высоко подняв ночной фонарь, с тревогой взгляделся в лица поздних гостей:

– Чем могу быть полезен, благородные господа? – спросил он, опасливо косясь на огромного воина и его торчащий из-за спины меч.

– Нам нужна комната, горячая вода и что-нибудь поесть, – мрачно произнес великан и, бесцеремонно подвинув плечом замешкавшегося от неожиданности старика, проследовал вглубь помещения.

Фэнг Лей, виновато посмотрел на растерявшегося от такого напора хозяина:

– Прошу простить моего друга, но мы ужасно измотаны, голодны и нуждаемся в хорошем отдыхе.

– Конечно, конечно, – поспешно проговорил старик и, с неожиданным проворством для его возраста, засеменял след за великаном, который довольно урча, уже расположился у теплого очага, грея руки и источая пар от мокрой одежды. Старик тем временем, поднявшись по лестнице на второй этаж, где располагались комнаты для гостей, открыл дверь в маленькую каморку и крикнул жене, чтобы принесла ужин для дорогих господ. Фэнг Лей подошел к небольшому оконцу и, окинув взглядом дворовые постройки, покосившиеся и разбухшие от непрерывно льющихся потоков воды, заметил неясный силуэт, поспешно скрывшийся во тьме пустующего сарая. Видимо, кроме них, у стариков еще есть постояльцы. Из комнаты, где у очага грелся довольно ухмыляющийся Кианг, послышался его одобряющий рев. Войдя в обеденную залу, Фэнг Лей увидел, как огромный воин на глазах у изумленной супруги хозяина, безвкусно и густо нарумяненной женщины с остро торчащей, девичьей грудью, не свойственной ее возрасту, отправляет в рот огромные куски издающей одуряющие запахи рыбы, довольно чавкая и безумно вращая глазами. Видимо, кулинарное мастерство хозяйки было выше всяких похвал. Налив чашку ароматного чая с примесью неизвестных ему трав, он сделал глоток и, с улыбкой следя за жерновами, в которые превратились челюсти Кианга, сказал, обращаясь к хозяйке:

– Нам нужна горячая вода.

Та, с трудом оторвав восхищенный взгляд от самозабвенно жующего Кианга, поклонилась и, несколько неуклюже, пошла отдавать распоряжение мужу, путаясь в платье и вымученно улыбаясь. Фэнг Лей проводил ее взглядом, подмечая, что руки хозяйки, мозолистые, крепкие, без малейших следов маникюра больше подходят для рукояти алебарды, чем для манипуляций с домашней утварью. Через минуту к ним спустился хозяин, и, натужно улыбаясь, сообщил, что фурако уже готова, так как он, не ожидая столь поздних гостей, к моменту их прибытия уже приготовил ее для себя. Что поделать, старые кости требуют тепла... Но, он с радостью готов предоставить ее в распоряжение благородных воинов и для этого проводит их

в специальный домик, располагающийся во дворе, рядом с кустами хризантем. Аромат цветов после дождя и горячая вода подарят воину столь желанное отдохновение от ратных трудов, очистив тело и успокоив душу.

Подобревший, сытый и изрядно испивший вина Кианг, встал и, ковыряясь в зубах, с довольной улыбкой подошел к хозяину, положив руку ему на плечо, развернул, и, шутливо подталкивая в спину, сказал, издавая довольное рыкание:

– Старик, если ванна будет столь же превосходна, как съеденная мной рыба, то, пожалуй, я останусь здесь еще на некоторое время. Давай, води к своей фураке и хризантемам. А мой друг, тем временем, воздаст должное стряпне твоей женушки. Кстати, скажи ей, пусть принесет еще вина.

Старик, прихватив фонарь, кланяясь, открыл перед Киангом дверь и засеменял вслед за ним, боясь столкнуться с пошатывающимся громилой. Когда они вышли из таверны, Фэнг Лей, двинулся вдоль стены в противоположную сторону. Достигнув пристройки, у которой ему почудился силуэт, он заглянул в небольшое окно. В маленькой комнатушке, низко склоняясь над столом, сидела женщина, время от времени смахивая платком слезы. Он попробовал слегка нажать на дверь, но она не поддавалась. Тогда ударом ноги он проломил несколько досок и, протянув руку, открыл дверь изнутри. Женщина, поначалу отпрянувшая в испуге к дальней стене комнаты, теперь сидела, закрывшись рукавом бирюзового платья и лишь ее миндалевидные глаза с длинными ресницами, подведенные черной краской, настороженнозирали на нежданного гостя. Он смотрел в них, как завороченный, чувствуя, что погружается все глубже и глубже в эту голубую бездну. Казалось, время остановилось. Но, внезапно, ее взгляд изменился и, увидев ужас в мгновенно расширившихся зрачках, Фэнг Лей, молниеносно выхватил меч из ножен. Резко развернувшись, он нанес удар, известный фехтовальщикам, как «монашеский плащ», на долю секунду опередив старика, который, предвкушая его смерть, с застывшей ухмылкой на лице, разламывался на двое, держа в руке бесполезный уже внушительный кинжал. Кровь из рассеченных артерий брызнула в разные стороны. Кровавые капли попали на лицо девушки и она, вскрикнув, потеряла сознание. Из пристройки, где в фураке беззаботно плескался Кианг, раздался крик боли и звук падающего в воду тела...

Глава 3. Омовение Кианга

Кианг, бесконечно довольный сытным ужином и хорошим сливовым вином, после ухода старика сидел в просторной фураке с закрытыми глазами и, чувствуя, что усталость и нега, накатывая волнами, неизбежно затянут его в дремотный омут, то и дело тряс головой, пытаясь хоть немного сосредоточиться. Обострившееся за годы странствий и сражений чувство опасности не давало ему спокойно расслабиться и раствориться в забытии. Может быть, усталость последних дней и природная подозрительность берут верх над здравым смыслом?

В дверь постучали, и на пороге возникла хозяйка с подносом, прикрытым куском шелковой ткани. Кианг сделал вид, что спит, откинув голову на край фурака и демонстрируя всем своим видом полную беззащитность. Подобно сжатой пружине, он застыл в ожидании дальнейших действий хозяйки. Та достала из широкого рукава небольшой стилет и стала осторожно красться. По мере приближения ее лицо, и без того отталкивающее, стало приобретать и вовсе демонические черты – оскаленные зубы, яростный огонь в глазах, тяжелое дыхание, как у любовников, предчувствующих сладостный момент соития. Стиллет в ее руке дрожал, бросая блики на стены, и именно за ними внимательно следил Кианг, стараясь поддерживать ровное дыхание спящего человека. Увидев, как блик резко взметнулся вверх по стене и на мгновение застыл, готовясь исчезнуть в его теле, он резко вскинул руки и выплеснул пригоршню горячей воды в лицо опешившей от неожиданности старухи, инстинктивно выронившей стиллет и отчаянно, с воем, протирающей глаза. Он быстро вылез из бочки и неодобрительно взглянув на бесформенное месиво, в которое превратилось из-за потекшего макияжа лицо старой карги, обхватил ее шею своими ручищами и приставив стиллет к уху, слегка надавил, заставив замереть на месте.

– Очень странное проявление гостеприимства, – ровным голосом проговорил Кианг, как бы обращаясь сам к себе. – Прекрасный ужин, превосходное вино – и вдруг нож у моего горла. Чем обязан такому вниманию, госпожа?

Стиллет на считанные миллиметры продвинулся вглубь уха, вызвав у старухи непроизвольный вскрик. Кианг опустил руку, державшую шею хозяйки к ее груди и, распахнув одежды, вытащил две достаточно объемные луковицы и отбросил их в сторону.

– Скромнее нужно быть, – стиллет вновь начал свое неспешное движение внутри уха, как оказалось, достаточно молодого человека, испуганно мычавшего и дико озиравшегося по сторонам.

– Итак, кто ты и почему желаешь моей смерти? – спросил Кианг, для верности чуть подвигав стилетом внутри уха парня, взгляд которого молил о пощаде. – Говори, – уже практически прорычал он.

– Мы с отцом актеры из разорившегося бродячего театра. На таверну набрали случайно. Хозяев убили и закопали на заднем дворе, завалив камнями, чтобы собаки не растащили останки.

– А что вы сделали с другими постояльцами?

– Так не было никого! После всех этих жутких находок обескровленных тел, люди обходят эти места стороной. А как радовались старики, увидев нас на пороге...

Неожиданно слезы градом покатались из глаз юноши и, уже не обращая внимания на приставленный к его уху стиллет, он зарыдал в голос, вытирая рукавом платья лицо и стирая остатки женского грима. Кианг подумал, что душа этого молокососа все же еще живет в его теле и, морщась от завываний парня, вытащил кончик стиллета из его уха. Из открытой двери потянуло сквозняком. Он пошел к скамье, на которой лежала его одежда и вдруг понял, что не задал

главный вопрос. Резко повернувшись, Кианг подошел к тихо поскуливающему юноше, рывком поднял его на ноги и, свирепо глядя в глаза, спросил:

– Ты говоришь, что кроме вас с отцом, в Таверне никого не было, верно? – Парень испуганно кивал головой, выражая согласие.

– Тогда, кто готовил эту чудесную рыбу на ужин? Явно не вы, актеришки, всю жизнь слоняющиеся по забегаловкам и кабакам. Кто еще находится в таверне? Говори, иначе на этот раз я засуну стилет в твое ухо по самую рукоять, клянусь Тысячью Адов!

Глядя в яростные глаза Кианга, парень, запинаясь, стал поспешно говорить:

– Ее зовут Мейлин и она само совершенство. Умоляю, не трогайте ее. Это она вам готовила ужин. Бедняжка скрывалась у стариков от притязаний какого-то воина и была им, как дочь. Мы обнаружили ее случайно, уже после того, как задушили хозяев. Она пряталась в пристройке на заднем дворе и видела, как я закапывал тела ее благодетелей. Я услышал крик и, обшарив постройки, нашел ее без чувств. Отец хотел и с ней покончить, но я убедил его не делать этого. Готовить, как вы заметили, мы не умеем и Мейлин просто покорила отца своим искусством. Она была настолько напугана, что согласилась нам помочь. Но, плакала, не переставая. Поэтому отец, когда она заканчивала приготовление, вновь отправлял ее на задний двор и запирали на ключ. Он говорил, что за такую красоту городской Дом Терпимости даст приличную сумму...

– Каков мерзавец, – прорычал Кианг, – тебя и твоего папашу непременно следует отдать Нефритовой Страже. Местный правитель сам отец трех дочерей, и он сурово накажет вас за такое обращение с женщиной.

Отпустив внезапно обмякшего актера, он направился к скамье с одеждой, но в следующий момент уже уклонялся от бешеной атаки юноши, который орудовал невесть откуда взявшимся кинжалом с немалым искусством, целясь ему в лицо и живот. Уклоняясь от мелькающего лезвия, Кианг подбил атакующую руку и резко развернул нападавшего, оказавшись за его спиной. Рука с зажатым в ней клинком стала приближаться к животу парня, который, чувствуя, как сталь входит в его плоть, издал жуткий крик. Кианг подхватил падающее тело и забросил его в остывающую фурако.

Со стороны дверей раздался шум и, резко обернувшись, Кианг увидел слегка запыхавшегося Фэнг Лея с мечом в руке и бесчувственным телом девушки на левом плече. Фэнг Лей, осмотрев царящий вокруг хаос и увидев мертвое тело в фурако, осторожно опустил тело девушки на скамью и с облегченной улыбкой произнес, глядя на обнаженного друга:

– Оденься, дама вот-вот очнется, и я не хочу, чтобы она вновь лишилась чувств от вида твоих богатырских пропорций.

Подойдя к девушке, он слегка побил ее по щекам и, набрав в ковш воды, обмакнул в нем пальцы и побрызгал на лицо незнакомке. Она застонала, но в себя не пришла. Кианг, приведший себя в порядок, подошел к скамье и с интересом вглядываясь в изящные черты лица девушки, произнес:

– Ну, здравствуй, Мейлин, – с удовлетворением отметив удивленный взгляд своего друга.

Со стороны улицы раскатисто прогремел гром и кроны деревьев зашумели под порывами внезапно налетевшего ветра.

Глава 4. Мейлин

Дверь жалобно заскрипела петлями и резко распахнувшись,пустила в помещение поток сырого, холодного воздуха. Кианг, поежившись, взял с небольшого столика, чудом не опрокинутым в пылу борьбы с несостоявшимся убийцей, бутылку вина и, сделав изрядный глоток, передал ее Фэнг Лею. Тот покачал головой и присев на скамью, спросил:

– Откуда ты знаешь ее имя?

Кианг подошел к остывшему фурако и, глядя на коченеющее тело, сказал:

– Малец рассказал перед смертью. Они убили стариков-хозяев и под их видом хотели пожить за счет невинных постояльцев. А Мейлин нашли случайно. Она скрывалась в таверне от какого-то резвого ухажера и согласилась им помочь из-за страха за свою жизнь. Готовит она действительно чудесно...

При воспоминании об ужине, у него громко заурчало в животе. Он с надеждой посмотрел на безмятежное лицо красавицы, но она все еще находилась в глубоком обмороке. Вздохнув, он продолжил:

– Ее ждала незавидная участь «продавщицы весны» местного Дома Терпимости. Так захотел папаша этого юнца. Кстати, нужно бы найти мерзавца. Я горю желанием отправить старого прохиндея на встречу с сыном.

Фэнг Лей встал и, подойдя к двери, задумчиво посмотрел на всполохи молний:

– Я с самого начала понял, что мы в таверне не единственные гости. Когда вы со стариком ушли, я проследовал на задний двор к пристройке, запертой на ключ. Именно там я и нашел плачущую Мейлин. Старик напал на меня, и я убил его на глазах несчастной. Так что, прости, что не позволил это сделать тебе лично.

Кианг проворчал под нос какое-то ругательство и спросил:

– Что теперь будем делать?

Капли дождя барабанной дробью застучали по крыше.

– Отнеси девушку в дом. Дождемся, пока она придет в себя и спросим, чем можем ей помочь.

Кианг согласно кивнул и, словно пушинку, подхватил девушку на руки, быстро пересек двор и скрылся в дверном проеме таверны. Фэнг Лей подошел к плавающему в фурако телу актера и внимательно всмотрелся в черты лица, на котором уже не было ни единого следа грима. При жизни юноша был действительно несколько женственен, но одного взгляда на его крепкие мускулы было достаточно, чтобы понять, насколько опасный боец смотрит в потолок пустыми, безжизненными глазами. Женские роли в бродячих театрах традиционно исполняют мужчины. И часто на сцене можно видеть представителей целых династий, которые оттачивают свое мастерство, передавая его от отца к сыну. Фэнг Лей вдруг с грустью подумал, что они с Киангом этой ночью прервали одну из них навсегда. В спектакле жизни они сыграли свои последние роли, но уходят со сцены не под овации благодарной публики, а в мешках для бродяг, в которых их завтра могильщик закопает за кладбищенской стеной. Лицедеев не хоропят на Священной земле, ибо на тех, кто носит маски при жизни, Боги закрывают глаза после смерти.

Плотнo закрыв дверь, за которой свою посмертную ванну принимал убитый Киангом незадачливый актер, Фэнг Лей быстрыми шагами пересек двор, свернул за угол и, пройдя вдоль стены таверны, вновь очутился около каморки, которая была домом и одновременно местом заточения Мейлин. В лицо ударил запах внутренностей, вывалившихся из рассеченного надвое тела старика. Поморщившись, перевязал шейным платком лицо и зажег ночной фонарь, стоявший на импровизированном туалетном столике, заполненном различными благовонными

маслами, стеклянными пузырьками с мазями, румянами и тому подобными загадочными субстанциями, которые, являясь тайным оружием женщин, делают сопротивление их чарам порой бесполезным и бессмысленным. Выдвинув нижние шкафчики, он обнаружил кипу надушенных носовых платков, халатов, нижнее белье из нежнейшего шелка, небольшую нефритовую коробочку в форме черепахи и практически невесомый, идеально подходящий для маленькой изящной женской ручки стилет. Пылкого повесу, решившего было взять приступом девушку, ожидал бы душ из холодной стали. Найдя походную сумку, украшенную изображениями резвящихся собак фу, он аккуратно, стараясь ничего не помять, принялся складывать в нее вещи девушки. Покончив со сборами, он накрыл обезображенное тело старика покрывалом с кровати Мейлин, взял сумку с ее вещами и стремительным шагом направился в таверну. В мертвых глазах старого актера на мгновение отразилась вспышка молнии и погасла, как символ мимолетности человеческого бытия.

В таверне Кианг в гордом одиночестве поглощал найденные на кухне остатки рыбного ужина, запивая вином и поглядывая искоса на пришедшую в себя Мейлин, которая, сжавшись в комок на небольшом диване, с ужасом смотрела на незнакомого воина. Увидев Фэнг Лея, превратившим ее тюремщика в подобие сиамских близнецов, ей вновь стало дурно. Кианг встал из-за стола, прихватив с собой чашу с вином и, не подходя к девушке близко, предложил:

– Выпей немного. Ты вся дрожишь.

Мейлин, скорее подчиняясь его желанию, чем жажде, схватила чашу обеими руками и мгновенно осушила ее. Забрав чашу, он вернулся к столу. Переведя дух, она закашлялась, но, видимо алкоголь быстро ударил в голову, потому что взгляд ее сделался более расплывчатым, она непроизвольно улыбнулась и ткнув пальцем в сторону Фэнг Лея, сказала:

– Вы... Вас я уже видела. А кто этот воин?

Фэнг Лей, улыбнувшись, ответил:

– Его зовут Кианг, госпожа, и вы не должны бояться его.

– Я боюсь не его, – робко сказала Мейлин, – То, что творит Ваш меч, поистине ужасно.

– Иногда, чтобы спасти хорошего человека, приходится убивать плохого, – сказал Фэнг Лей, передавая ей сумку с ее вещами, – я постарался забрать из комнаты все, что могло принадлежать Вам.

Девушка, настороженно взяв сумку, спросила:

– Где я могу переодеться?

– Выбирайте любую комнату.

– Хорошо, мой господин, но Вы не назвали себя. Могу я узнать имя моего спасителя?

– Меня зовут Фэнг Лей, и я вновь заверяю Вас, что вы в полной безопасности.

– Фэнг Лей, – задумчиво проговорила девушка, – где-то я слышала это имя... Нет...

Не помню... А меня зовут...

Мейлин, мы знаем, – промычал с набитым ртом Кианг и, проглотив очередной кусок рыбы, опорожнил чашу вина и озорно подмигнул ей. – Ты божественно готовишь.

Он явно был навеселе. Мейлин, хмурясь от такой бесцеремонности, развернулась и, быстро поднявшись по лестнице, исчезла за одной из дверей на втором этаже. Фэнг Лей увидел восхищенный взгляд Кианга, которым он сопровождал зарумянившуюся от гнева и от того еще более прелестную Мейлин, пока она поднималась по лестнице, и сказал:

– Мейлин, судя по ее манерам, явно аристократка, волею судьбы заброшенная в эту глушь. Нам следует выяснить, что вынудило ее скрываться в этом неподобающем месте и помочь ей в возвращении домой, если она того захочет. Мы проводим ее в город, а затем, отправимся на встречу с Джинг Гуо.

Глава 5. Тень прошлого

Мейлин, отпрянув от двери, лихорадочно стала переодеваться в более удобное платье. Возвращение в Нефритовую столицу совсем не входило в ее планы. Но и отказаться от помощи она не могла, особенно, после всего, что она насмотрелась в таверне бедных стариков. При воспоминании о их доброте у нее навернулись слезы, и она беззвучно заплакала, всем сердцем сострадав безвинно убитым. В очередной раз ее только-только устоявшийся мир рухнул. И вновь, она одна на всем белом свете. Как тогда, много лет назад, когда увидела, как на супружеской постели мечется в горячечном бреде любимый муж. Меч воина, помимо тела, рассек его душу, выпотрошил и оставил кровоточащую рану, которая будет сочиться гноем ненависти. Будь он проклят! Перед глазами вновь замаячили тени далекого прошлого...

Отдав распоряжения слугам, Мейлин, по узкой, петляющей дорожке, уставленной карликовыми деревцами, семенящим шагом шла к Саду Размышлений, где на небольшой террасе под навесом, одинокая фигура в меховой накидке практически сливалась с водоворотом мелкого песка и замшелых камней. Уже несколько месяцев, с тех пор, как рана перестала причинять мучительную боль, отзывавшуюся во всем теле, муж приходил сюда ранним утром и сидел до глубокого вечера, подобно каменному изваянию. За это время они не перемолвились и полусловом. Острое ощущение одиночества и тоски заполняло все ее существование, когда она смотрела в его пустые, безжизненные глаза. Ночами она слышала, как он скрипит зубами во сне и вновь и вновь дерется с кем-то, просыпаясь от собственного крика и беззвучно плача, понимая, что сон продолжается в яви. Все ее попытки заговорить с ним натывались на глухую стену безразличия и молчания. Казалось, даже дом, такой уютный и со вкусом обставленный ею в первый год брака, потерял былое очарование и безвременно состарился, за один день превратившись из жизнерадостного юноши в парализованного собственным бессилием старика. К ним больше не заходили гости, они не выходили в свет, слуги старались быстрее уйти из этого мрачного средоточия печали и боли, словно боясь принести этот вирус в свои, пусть и более бедные, но, несоизмеримо более счастливые дома.

Каждый день Мейлин совершала практически ставшую ритуалом прогулку в Сад камней, садилась рядом с мужем и ждала. Ждала, что он очнется от сна наяву, просто даст ей понять, что знает, она рядом и нуждается в нем. Но, молчание мужа сделали эту надежду настолько эфемерной, что скоро она совершала эту прогулку как некое, пустое по содержанию, доведенное до автоматизма действие, чувствуя, как сама умирает внутри этого кокона свернутой жизни, словно бабочка, которой не суждено расправить крылья навстречу солнцу. Вот, и сегодня, бесшумно присев рядом с похожим на каменное изваяние мужем, она закрыла глаза и только приготовилась к медитации, как услышала его такой родной, но такой слабый голос, зовущий ее по имени:

– Мейлин... Мейлин..

Ей хотелось вскочить на ноги, громко кричать от радости, обнять его и плакать, плакать, плакать, прижавшись к его груди, сбросить этот тяжелый груз, это бремя одиночества, вновь почувствовать себя желанной, любимой... Вновь стать женщиной. Но, вместо этого, ком застрял в ее горле и, с трудом размыкая ставшими непослушными губы, она склонилась в глубоком поклоне:

– Да, мой господин.

Глядя в спокойную гладь песка и островки камней перед собой, он произнес:

– Мейлин, нам нужно развестись.

Короткая, жестокая фраза заставила замереть, сердце учащенно забилося, подступили слезы. Стараясь совладать с нахлынувшими эмоциями и не поднимая глаз, спросила:

– Чем я вызвала недовольствие моего господина?

Она явственно слышала, как он тяжело вздохнул и, будто преодолевая колоссальное сопротивление, ответил, глядя перед собой:

– Я не вправе требовать от тебя разделить мою участь странника, которую я избираю по доброй воле. Этой дорогой я должен идти один. Ты еще молода и красива. И заслуживаешь лучшей доли. Прости, что не сумел сделать тебя счастливой.

– Но я счастлива, мой господин, – выдавила она, чувствуя, что еще немного, и потеряет сознание, перед глазами все плыло.

– Невелико счастье жить с калекой, – горько улыбнувшись, сказал он, – я не найду покоя, пока не погаснет огонь ненависти, сжигающий меня. Я уже не тот, кого ты любила, за кого вышла замуж и, кто тебе обещал простое семейное счастье. Я знаю, что со мной тебя ждет страдание и смерть. А ей я предпочитаю смотреть в глаза один.

– Но мой господин, я не...

– Не говори так. У тебя больше нет господина. Сегодня вечером я уйду. Формальности уладишь сама. Пусть этот дом, который ты старалась сделать счастливым, наконец-то станет таким. Я буду молиться Светлым Богам, чтобы они оберегали тебя.

– Но куда Вы пойдете? Вы еще не поправились окончательно, физические лишения убьют Вас! – она почти кричала, сдерживая рыдания.

– Дважды не умирают, – бросил он, и, встав резко на ноги, рывком поднял ее с колен и склонился в глубоком поклоне, – Берегите себя, госпожа, – вдруг, неожиданно и официально, обратился он к ней.

Затем, плотнее запахнув меховую накидку, быстрым шагом, не оглядываясь, пошел по извилистой дорожке, на которую падал снег из лепестков вишни. Казалось, он парит в облаках. Ей хотелось броситься вслед, но ее тело ей не подчинялось. Наконец, видя, что муж исчез за поворотом террасы, она медленно дошла до скамьи и присела, лишенная сил. Небольшие капли, скатываясь с крыши, падали ей на лицо и стекая к шее, оставляли следы на ее прекрасном, но несущим печать скорби лице. Рядом с местом, где месяцами предавался суровому уединению муж, она увидела скомканный лист бумаги. Дрожащими руками, она раскрыла его и прочитала на первой странице изящную надпись, выполненную каллиграфическим почерком:

На утесе сосна, открытая ветру морскому
и жестоким волнам, тяжело стонет, изнемогая, —
так и я в томленье любовном...

Это стихотворение он сочинил в день их свадьбы. Казалось, что счастливей их нет на свете. И тогда, уже ничем не сдерживаемые, рыдания вырвались из ее груди...

Глава 6. Мост Тэнгу

Кианг восхищенно смотрел на чудесное преображение хрупкой девушки в хладнокровную воительницу. Вместо сжавшегося, испуганного комочка, который, как предполагал он изначально, мог доставить им только хлопоты, их почтила своим присутствием зрелая, сильная женщина, готовая постоять за себя.

– Нам пора, – Фэнг Лей подхватил сумку с вещами Мейлин и направился к двери, – уже рассветает.

Набросив свой белый плащ, он вышел на улицу и поразился аромату хризантем, пропитавшему кристальный воздух. Мейлин, присев на корточки рядом с одним из благоухающих кустов, шевелила губами, будто прощаясь. Слезы, не уступающие по своим размерам каплям росы, мерцающих, словно бриллианты, на лепестках пышных голов хризантем, текли по ее лицу и, падая вниз, на секунду вспыхивали в лучах рассветного солнца. Она улыбалась и нежно касалась лепестков, стараясь не нарушить это великолепие. Она будто сама стала цветком, трогательным и ранимым. Фэнг Лей, любуясь девушкой, не мог сдержать улыбки. Что ожидает их в городе?

Мост Тэнгу с древних времен являлся местом, где монахи просили милостыню у путников, стремившихся попасть в Нефритовый город. По легенде, первый правитель города был застигнут разбойниками в глубоком овраге, бывшем в то время в этом месте. И, если бы не тэнгу, отпугнувшие разбойников собачьим лаем, Нефритовая семья могла бы так и не появиться, лишившись своего прародителя. Явившись правителю в образе странствующих монахов, они, в награду, попросили выстроить мост через опасное место и храм, в котором они могли бы обучать лучших воинов, способных встать на защиту города. Это место обросло легендами и в Пяти королевствах стало традицией направлять на обучение в храм отпрысков аристократических семейств. По преданию, именно здесь в таинственной горной пещере был выкован Меч тэнгу, лучшее оружие, которое когда-либо существовало на земле. Обладание им – великая честь и огромное испытание добродетели воина, Хранителя меча. Жить, подобно страннику, забыв о земных благах и посвятив себя высшей цели – удел избранных. С течением веков, Меч, как и Хранители, превратились в легенду, которую рассказывали молодым воинам умудренные сединами ветераны в свете костров военных лагерей. Никто уже не знал, существует ли Меч на самом деле и живы ли Хранители...

Громада моста смутно вырисовывалась, пробивая пелену утреннего тумана огнями ночных фонарей, установленных рядом с огромными скульптурами тэнгу. Тишина и покой царили здесь в ранний час. Фэнг Лей остановился, внимательно всматриваясь в клубящуюся мглу. Кианг, подтолкнув в спину Мейлин так, что она оказалась между ним и Фэнг Леем, с тревогой озирался по сторонам, положив руку на рукоять меча. Мейлин спросила шепотом:

– Что случилось, господин?

– Монастырский колокол... Он молчит. А уже время созывать на молитву.

– Может быть, распорядок изменился?

– Это невозможно! – Фэнг Лей практически отчеканил слова, – Монахи чтят традиции отцов-основателей беспрекословно.

– Вы бывали в монастыре, господин?

Фэнг Лей, продолжая всматриваться в постепенно рассеивающийся туман, ответил:

– Звон колокола монастыря наполнял мир вибрациями Добра и Света с самого основания города. И эта тишина – плохой знак.

Постепенно рассеивающийся туман обнажил землю и каменные ступени с распростертыми на них телами монахов. Около двух десятков изрубленных тел, разбросанные в беспорядке чаши для подаяний, обломки шестов, разорванные четки и кровь, кровь, кровь... Казалось, что они ошиблись адресом и случайно забрели на бойню. Забыв об осторожности, они принялись обходить тело за телом, надеясь обнаружить раненных монахов, но все было тщетно. Мейлин с ужасом смотрела на эту картину беспощадного убийства и ей трудно было поверить, что подобное сотворили люди. Она видела, как Фэнг Лей резко присел, сторбившись, над телом старца с разрубленным горлом, взяв его за безжизненную руку с намертво сжатыми пальцами вокруг нефритовых четок.

С противоположной стороны послышался шум. Кианг увидел стремительно бегущих по мосту воинов в черных одеждах. Выхватив меч, он бросился им навстречу, видя, что Фэнг Лей все также неподвижно сидит, бережно поддерживая голову монаха и, закрыв глаза, читает молитву поминовения усопших. Воины все приближались, и он уже четко различал их приоткрытые в зверской улыбке рты. Возглавлял их предводитель в серебряных доспехах и с копьем в руке. Нападавшие рассыпались, заключив Кианга и сидящего на коленях Фэнг Лея в кольцо, выставив мечи и копья и направив на них арбалеты с заряженными болтами ужасной пробивной силы, перед которой бесполезен любой из известных доспехов. Повисла тишина, нарушаемая только пением птиц.

Глава 7. Ксинг

Кианг чувствовал, как кровь все быстрее струится в жилах, но, видя направленные на них арбалеты, понимал, что даже не успеет взмахнуть мечом. Он закрыл глаза и мысленно начал было читать молитву, когда в воздухе раздался свист стрел и воинственный клич. Ничком бросившись на землю, он краем глаза увидел, что Фэнг Лей последовал его примеру. Мейлин он не видел и искренне надеялся, что девушка успела скрыться от нападавших. Вслед за свистом стрел, раздалось негромкое жужжание. Это арбалетчики Серебряного воина пытались сбить навал атакующих в форме Нефритовой стражи, которыми громко руководил воин в зеленых с черным доспехах и лицом, обезображенном шрамом. Раздался лязг мечей и Кианг понял, что бой перешел в рукопашную. Вскочив на ноги с обнаженным мечом, он проткнул грудь двум набросившимся на него воинам и, видя, как слева от него с ужасающей эффективностью орудует Фэнг Лей, напал на группу теснымых стражей арбалетчиков, пытаясь сблизиться с их командиром. Серебряный воин, поняв, что его окружают, выхватил из-за пазухи горсть каких-то шариков, бросил себе под ноги. Раздался хлопок, пространство вокруг места, где он стоял за секунду до этого, заволочло едким дымом. Стражники, кашляя и отчаянно протирая глаза, попадали на землю. Кианг быстро обернул рот шейным платком и откатился от очага дыма, зная, что он поднимается на уровень роста человека быстро и у земли сейчас его концентрация минимальна. Постепенно, дым рассеялся, и он увидел, что Фэнг Лей вновь присел рядом с телом старого монаха и затем, взвалив его на спину, двинулся в сторону Храма, все также хранящего гробовое молчание. Решив последовать за ним, он вложил меч в ножны и, рванулся было за другом, но был остановлен стальной рукой, внезапно схватившей его за плечо, будто клещами:

– Не так быстро, – услышал он и, развернувшись, оказался лицом к лицу с воином со шрамом.

– С кем имею честь? – недовольно спросил Кианг, глядя во внимательно изучающие его глаза и сетуя на вынужденную задержку.

– Меня зовут Ксинг. Я – предводитель Нефритовой Стражи. Для человека, едва избежавшего смерти, вы слишком нетерпеливы.

– Я должен присоединиться к моему другу, – Кианг указал на удаляющуюся фигуру Фэнг Лея со своей скорбной ношей.

– Насколько я понимаю, он направляется в Храм? Два дня назад я отдал приказ о запрете посещения монастыря под любым предлогом. Это не безопасно.

– Я вижу, – с горечью в голосе произнес Кианг, обводя взглядом тела мертвых монахов и приспешников Серебряного воина. – Не сомневаюсь, городская стража исполняет свои обязанности должным образом.

Лицо Ксинга вспыхнуло от негодования. Шрам побагровел от гнева. Он сжал кулаки и почти вплотную подступил к Киангу.

– Я уважаю право гостя и, поэтому, оставляю ваши оскорбительные намеки без ответа. Мне приказано встретить и проводить во дворец Правителя господ Фэнг Лея и Кианга. Этой ночью я и мои люди дважды подверглись нападению в пределах города. Людей у меня немного, но, как видите, достаточно для того, чтобы мы могли спасти вам жизнь. Эти негодяи повсюду.

– Считайте, что с задачей вы справились. Меня зовут Кианг, а тот, кого вы не позволили мне догнать, Фэнг Лей. Теперь, когда все удачно разрешилось, позвольте мне присоединиться к нему.

Ксинг посмотрел в сторону монастырских стен и увидел, как маленькая фигурка поднимается по ступеням Храма. Он немного подумал и сказал:

– Я должен доставить вас к Повелителю лично. Пока мы с вами пойдем в Храм вслед за вашим другом, мои люди уберут тела убитых и доставят монахов на храмовое кладбище, где с честью захоронят.

– А что с ними? – спросил Кианг, указывая на тела в черных обмотках, – неужели оставите глотать собакам?

– Для них будет вырыта общая могила за пределами города. Таким нет места на общественном кладбище.

Отдав необходимые распоряжения, он и Кианг направились к возвышающемуся на склоне горы монастырю, внутри которого величественно блестел в лучах рассветного солнца Храм.

– Так что у вас случилось? – спросил Кианг, когда они взойшли на первую из ста восьми ступеней на пути к монастырю, – С тех пор, как мы оказались в окрестностях города, на нас дважды напали.

– Когда? – Ксинг нахмурился, – И, главное, где?

– В Таверне Одинокого Путника этой ночью. Какие-то бродячие актеры. Ничего серьезного. И вот теперь здесь, у моста Тэнгу. Что происходит?

– А больше ничего подозрительного вы не видели?

– Нет, за исключением того, как у вас обращаются с аристократками.

– Что вы имеете ввиду? – Ксинг был явно озадачен

– В Таверне, мы нашли девушку, которая скрывалась у стариков-владельцев, убитых актерами и выдававших за них себя. Они планировали отдать ее в местный Дом терпимости.

– А вы не могли ошибиться? Может быть это простолюдинка, которую старики приютили из жалости или актеры притащили с собой, как рабыню? В их обзолах и не такое бывает. Сейчас у нас как раз стоит один бродячий театр, – поморщился Ксинг, – так мы не знаем, что делать с их ребятишками. Ловкие черти... Умудряются торговать собственными сестрами. Может, она из таких?

– Нет! Достаточно ее один раз увидеть, чтобы понять, что это не обозная девка. Манеры, стать, речь, гардероб... Нет, явно дворянка.

– И где же она?

– Сбежала, как только началась эта заварушка. Надеюсь, с ней все в порядке. А как она замечательно готовит рыбу! Я хотел бы еще раз отведать ее стряпню. И имя красивое – Мейлин,

Кианг удивленно посмотрел на замершего на месте Ксинга:

– В чем дело?

– Ничего, – быстро ответил Ксинг, – я думаю, когда ваш друг закончит дела в монастыре, мы встретимся у входа во дворец Повелителя Джинг Гуо. От монастыря к нему ведет прямая дорога, так что не заблудитесь. Если все же потребуется о чем-то спросить, то ищите ближайшего стража. До встречи.

Кианг, встал на верхнюю ступень лестницы и обернувшись, с восхищением осмотрел окрестности города. Так много смертей в таком божественном месте! Нужно найти Фэнг Лея в Храме. В этом городе действительно творятся странные дела...

Глава 8. Цветочный павильон Вейшенга

Утро в Нефритовом городе начиналось с первым боем монастырского колокола. Так сложилось, что обыватели, поколение за поколением, воспринимали этот священный гул, как свидетельство стабильности и безопасности, гарантированной жителям Нефритовой семьей и монахами, обитавшими на испещренной тайными ходами Храмовой горе, горделиво возвышающейся над городом. Даже не смотря на загадочную волну убийств, жители чувствовали себя в относительной безопасности, свято веря, что Стража в состоянии обуздать эту волну насилия под руководством сурового Ксинга и мудрого Джинг Гуо. Но, сегодня, жители проснулись скорее от царившей на горе тишины и, недоуменно и несколько испуганно, обменивались скудными репликами и нервно спрашивали друг друга, что могло случиться на Храмовой горе, с некоторых пор закрытой для посещения по приказу командира Городской стражи. И, не находя ответа, следовали по своим делам, покачивая головами и настороженно вглядываясь в струйку дыма, поднимавшуюся над монастырем. Что готовит им грядущий день?

Вейюан неспешно двигался по Торговой улице, заполненной гомоном покупателей, кричащих торговцев, шустрых ребятишек, кланчивших монетку-другую, и бродячих факиров, демонстрирующих свое искусство в окружении зевак.

– Цветы! Кто желает купить цветы? Лучшие цветы Нефритового города! Не хотите купить цветы? – спросила юная девушка в небесно-голубом платье с открытой и полной задора улыбкой, глядя на Вейюана. В ее руках была корзина со свежесрезанными хризантемами, гвоздиками, розами и нарциссами, бутоны которых блестели в утренних лучах солнца десятками водных капель, окружая девушку неземным сиянием, когда она кружилась на месте в красивом воздушном танце, будто Фея Рассвета из народных легенд.

Вейюан, протянув монетку, спросил, указывая на корзину с цветами:

– Милое дитя, не подскажешь ли, где я могу купить орхидеи из царства Хадзи?

Девушка на мгновение задумалась:

– В квартале Жемчужной Девы есть цветочный павильон господина Вейшенга. Он известный торговец и поставщик двора Нефритовой семьи. Там вы найдете, какие угодно орхидеи. – Что ж, спасибо, я покупаю все цветы, – сказал Вейюан, протягивая радостной девушке монетку и наблюдая, как она, пританцовывая, растворяется в потоке людей.

Пройдя мимо торговцев специями, он свернул в проулок и двинулся в направлении высокого красивого дома с вывеской, гласящей «Волшебные орхидеи господина Вейшенга» с виднеющимися крышами цветочных оранжерей. Подойдя к резной двери с танцующими тэнгу, он справился у привратника о хозяине дома. Получив утвердительный ответ, остался ожидать, пока привратник вернется из внутренних покоев дома. Оглянувшись, Вейюан увидел нищего попрошайку, сидевшего на грязной соломенной подстилке и читавшего молитву, низко опустив голову перед пыльной чашей для подаяния. Подойдя к нему, он достал мелкую монету и бросил в чашу, подняв облачко пыли, скопившейся на ее дне. Нищий, прервав молитву, поднял голову и улыбнулся, обнажив сильно выпирающие передние зубы.

– Спасибо, господин, – прохрипел он, – Да хранят вас Светлые Боги.

И, вновь забубнил молитву, наблюдая, как Вейюан проследовал за привратником, распахнувшим перед ним дверь. Бродяга встал и, взглянув на монету, собрал свои нехитрые пожитки и, опираясь на костыль, исчез в толпе Торговой улицы.

Оставив корзину с цветами во внутреннем дворе, Вейюан миновал небольшой сад с тихо журчащей водой и пройдя по тропе, вдоль которой прохаживались надменные павлины, остановился при входе в личные покои Вейшенга. Двери были раздвинуты и, он видел, как хозяин сидит к нему спиной, поглаживая небольшого скорпиона на своей ладони:

– Проходи, путник, присядь, выпей вина и расскажи, что привело тебя ко мне.

Голос звучал несколько торжественно и отстраненно, как было принято в аристократических домах при встрече с представителями более низких сословий. Вейюан присел на мягкий стул у небольшого столика, налил из кувшина чашу вина и спросил:

– Я в городе недавно и слышал, что вы даете работу нуждающимся.

– Чем ты можешь быть мне полезен? Ты не похож на торговца. И в носильщики ты не годишься. С твоим увечьем тебе прямая дорога в городской приют для бездомных.

– Я могу предложить мой меч...

– Ты, вероятно, ошибся, путник. Я – торговец, а не командир Стражи, – вкрадчиво произнес Вейшенг, – к тому же, сомневаюсь, что в бою от тебя может быть какой-то толк. Ты хотел совета, так послушай. Направляйся прямоком к принцессе Лин. Она все время возится с такими, как ты, калеками и убогими. Поверь, это лучший исход для тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.